

А. Н. Мосейко²

РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ

Разбиты вдребезги скрепы нашего прошлого, и, словно щепки большого корабля, носятся русские люди по всем концам земного шара. Где их нет? Где не услышишь русской речи?

Безымянный русский доктор из Африки

Российское зарубежье (русский мир) как самостоятельный всемирный социокультурный организм представляет собой поле многочисленных пересекающихся и взаимодействующих диалогов культурных ценностей и смыслов. Содержание и характер диалогов зависят от многих обстоятельств, но прежде всего от особенностей принимающей стороны, степени ее близости, схожести, «узнаваемости» (культурной, психологической, социоисторической, языковой и т. д.) для эмигранта. Беспрецедентные сложности возникали для российских эмигрантов в Африке, где культурные ценности и смыслы были непонятны, иногда диаметрально противоположны российским.

В потоке появившихся в последние десятилетия работ по истории российской эмиграции недостаточно внимания уделяется российскому зарубежью на периферии русского мира, в частности на Африканском континенте. Историк-африканист А. Б. Летнев отмечал «периферийность, маргинальность, изолированность той части всемирной российской диаспоры, которая очутилась на Африканском материке»³. Действительно, эмигранты из России оказались в Африке, чаще все-

го подчиняясь необычным и трагическим обстоятельствам своей судьбы изгнанников. Эмигранты, прежде всего военные, попадали, например, в лагеря беженцев Египта, Туниса, Алжира. Большую часть африканской диаспоры составили безработные русские эмигранты, вынужденные уехать из Европы в связи с экономическим кризисом начала 1930-х годов.

Была, правда, очень незначительная, часть эмигрантов, которые со временем добровольно выбирали африканскую страну, соответствующую их научным или творческим интересам, например Египет, Эфиопию.

В послевоенный период российское зарубежье пополнилось перемещенными лицами — бывшими военнопленными, людьми, принудительно угнанными в Германию, а также добровольно ушедшими с немецкими войсками — все они боялись репатриации и постарались осесть хотя бы в Африке. Еще раньше советские военнопленные, бежавшие из немецких лагерей, сражались в войсках союзников против итало-германской армии в Северной Африке.

После 1991 года, в период перестройки, возникло такое новое явление, как трудовая эмиграция с возможностью возвращения и наличием двойного гражданства (согласно закону «О гражданстве РФ» от 28 ноября 1991 г.). В основном поток трудовой эмиграции был направлен в Южную Африку как самую экономически развитую страну континента. В результате наиболее обширные и разнообразные анклавы российского зарубежья были сосредоточены в Северной и Южной Африке, значительно меньше — в Тропической. При всем различии этих регионов Африки сходным для эмигрантов из России была их необычность: природно-климатическая, культурная, ментальная, социополитическая. Часто это вызывало психологический шок, растерянность и даже отторжение. Однако силою обстоятельств эмигранты были вынуждены приспосабливаться, вписываться в эти условия существования.

² Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования» (в соавт.), «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре», «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века», «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира», «Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции», «Религиозный опыт на Мадагаскаре. Миф и ритуал» и др.

³ Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы : сб. ст. М., 2001. С. 3.

Особенностью эмигрантского бытия является невероятная сложность самоидентификации. Как правило, российский эмигрант оказывается одновременно включенным в три сообщества (России, принимающей стороны и диаспоры)¹, и с каждым из этих сообществ он связан множеством нитей, участвует во множестве ценностных и смысловых диалогов. В Африке же этих сообществ оказывается больше, ибо каждая страна-реципиент, в свою очередь, включает как европейское колониальное (или бывшее колониальное) сообщество, так и сообщество аборигенов. В Южной Африке к этим двум сообществам присоединяется сообщество «почти аборигенов» — африканеров (буров). И каждое из них имеет свои особенности.

В статье мы рассматриваем прежде всего диалогические ценностно-смысловые отношения российских эмигрантов с сообществами принимающих стран.

В Североафриканском регионе заметное место для российского зарубежья занимает Египет. Следует сказать, что в Египте многое привлекало русскую научную и творческую интеллигенцию еще в дореволюционный период — и памятники древней цивилизации, и святыни раннего христианства. До Первой мировой войны в Египте побывали В. Соловьев, И. Бунин, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Белый, академики С. В. Бакалович и Б. А. Тураев, египтолог А. Живаго и др.

После революции в Египет стали прибывать русские беженцы, которых (вместе с уже существующей до 1917 г. русской колонией) насчитывалось не менее 10 тыс.² Эмигрантов из России Египет встретил беженскими лагерями англичан³ с тяжелейшими условиями существования. Большие трудности возникали с поисками работы. Естественно, что русские эмигранты стремились найти работу у англичан — шоферами, механиками, трамвайными служащими, в конторах и бюро, а женщины — гувернантками, горничными в европейских семьях. Однако это не всегда удавалось, и женщинам приходилось работать в арабских семьях, мастерских, магазинах, где они сталкивались с особенностями отношения мусульман к женщинам, мусульманскими поведенческими стереотипами и ориентациями, не совпадающими с русскими ценностями. Русские эмигранты — технические специалисты, медики — успешно работали на строительстве плотин в дельте Нила, Управлении по эксплуатации Суэцкого канала, сфере тропической медицины, но и они испытывали огромные трудности, сталкиваясь с тяжелым климатом, языковым барьером, конфессиональными различиями. В результате возникало отчуждение от основной арабской массы населения. Многие эмигранты так и не смогли адаптироваться к жизни в Египте и использовали все возможности, чтобы уехать в Европу.

В то же время русские ученые, художники оставили неизгладимый след в культуре, науке Египта. Египтологи В. С. Голенищев, В. М. Викентьев, А. Н. Пьянков работали в университете Каира, во Французском

¹ См.: Пивоваров Е. И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 36–37.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 319–324.

³ Египет с 1914 по 1923 год был английским протекторатом, но и позже в стране сохранялось господство Британии.

институте восточной археологии и оставили не только замечательные научные труды, но и учеников — египетских ученых⁴. В Египте сохранилась память о замечательном русском художнике И. Я. Билибине. Он не только создавал портреты и картины по частным заказам богатых греков, но и иконы в греческом православном храме. Эти иконы под воздействием климата разрушаются и требуют реставрации, которую в Египте не собираются производить. В 1990 году председатель Советского фонда культуры (СФК) академик Д. С. Лихачев выдвинул инициативу о переговорах с Египтом по поводу возвращения с компенсацией билибинских икон в Россию, но развал Союза и ликвидация СФК прервали их⁵.

Значительно более серьезные, чем в Северной Африке, ценностные барьеры и противоречия ожидали эмигрантов из России в Тропической и Южной Африке, где подавляющее большинство населения в 1920–1930-х годах придерживалось (несмотря на христианизацию и исламизацию) традиционных верований, обычаев и образа жизни. Российские эмигранты в странах Тропической Африки — в Конго, Сенегале, Гвинее, Камеруне и других — оказались в совершенно немыслимой для них среде, почти на другой планете. Они работали по контрактам с французскими и британскими предпринимателями, но на рудниках, строительстве дорог, в портах им приходилось иметь дело с местными рабочими-африканцами, русские врачи лечили как колониальных чиновников, так и африканцев, россияне общались с местным населением и в быту. Помимо изнуряющего климата, ядовитых насекомых, неведомых болезней, русских эмигрантов, не имеющих представления об особенностях африканских культур, шокировало поведение африканцев, их нравы, обычаи, ритуалы. Пугали многочасовые ритуальные танцы под ритмы тамтамов, в которых танцоры с масками доводили себя до экстаза. Однако каждый ритуал имел свой смысл и цель — способствовал снятию напряжения в коллективе, решению конфликта и единению или был направлен на исцеление больных, общение с предками, вызов дождя и т. д. Вызывала раздражение одежда туземцев, точнее почти ее отсутствие. У африканцев свои представления о стыдливости и нравственности, и их тоже отталкивало многое в поведении европейцев, например курение, неумеренное употребление алкоголя и т. д. Противоречивость ценностных предпочтений и ориентаций удивляла, а часто возмущала русских практически на каждом шагу. Африканцы казались русским «дикими» и «безнравственными», например в силу их достаточно свободного сексуального поведения, терпимого отношения к добрым связям. Однако ценностные ориентации африканцев определялись естественно-природными импульсами, в связи с чем добрые связи и особенно дети, рожденные до брака, воспринимались как благо, а девушка, имеющая детей, — как завидная невеста, ибо не было опасности бездетного брака. В то же время внебрачные связи осуждались, и муж имел право потребовать от обидчика материальной компенсации. Но и в этом случае

⁴ См.: Беляков В. Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте. М., 2000. С. 125–136, 204–208.

⁵ Там же. С. 123–125.

дети, рожденные не от мужа, принимаются с любовью в семью, ибо для африканцев главное богатство — это дети. Такие нравственные установки определяются мировоззрением африканцев, согласно которому главной базовой ценностью является жизненная сила, жизненная энергия, а предназначение человека — эту силу приумножать и развивать. Африканец к детям — своим или чужим — всегда относится нежно и трепетно.

У европейцев, в том числе российских эмигрантов, работающих с африканцами, вызывали неприятие их «неорганизованность», опоздания на работу и даже отлучки. Однако у африканца свое восприятие времени, он живет, подчиняясь природным ритмам, в том числе ритмам жизни семьи и общинного коллектива. Участие в обряде инициации, например, для него неизмеримо важнее, чем работа у белых. Отсюда вытекает и отношение африканца к труду и его продуктам. Он трудится для обеспечения жизни своей семьи, ему не нужны излишки продуктов, которые он потратит на праздники и подарки. Казалось бы, беспечность, безответственность. Но праздник не менее важен, чем труд. Это общение с сакральным, разрядка, игра, смена деятельности, наконец, средство повысить свой престиж перед соплеменниками¹.

Из этого краткого очерка ясно, сколь далеки друг от друга были системы ценностей африканцев и русских эмигрантов. Попав в Африку, они стремились разобраться в людях, с которыми их столкнула жизнь, в их сущности. Владимир Унковский, русский врач-эмигрант, работавший в 1920–1930-е годы в Дагомее (с 1975 г. — Республика Бенин), размышляет об африканцах, сравнивая их с людьми своего круга. «Европеец, очутившись на экваторе, среди африканских негров, поражается антиподностью понятий и быта, — пишет он. — Но, присматриваясь внимательно и изучая, мучается сомнениями. Где же правда?.. Наши достижения, взлеты к небесам и победы?.. Или счастье в первобытности?.. Взрослые младенцы — как завидуешь им!»² Русские, которые жили в африканской среде достаточно долго, начинали понимать образ мыслей африканцев, ценности и смыслы их жизненного мира, а отсюда возникали терпимость к их необычности, уважение к ним, ибо знание и понимание друг друга — основа продуктивного ценностного диалога.

Вначале африканцы воспринимали эмигрантов из России лишь как белых, а их культурные особенности — как «чужацества белых», но со временем они начинали понимать и ценить их доброту, мужество и отзывчивость. Разумеется, как и во всякой культуре, ценностные предпочтения и ориентации в Тропической Африке меняются под напором модернизации, однако базовые ценностные и смысловые принципы сохранились, особенно в сельской среде, до сих пор.

Изменилось отношение к русским после того, как Советский Союз занял позицию поддержки национально-освободительного движения. Русских (так называют

всех выходцев из нашей страны не только в Африке, но и в других странах) стали отличать от других «белых» и относиться к ним как к друзьям. Часто это отношение распространялось и на эмигрантов.

Специфически складывалась судьба российской эмиграции в Южной Африке. Пик притока сюда эмигрантов из России пришелся на послевоенный период (1950-е гг.). Перемещенных лиц среди них было крайне мало, в основном это были послереволюционные эмигранты из разоренной войной Европы, стран Северной и Тропической Африки. В Южно-Африканском Союзе (ЮАС, с 1961 г. — ЮАР) во время войны началась быстрый рост промышленности, государство вошло в десятку богатейших стран мира. Интенсивное развитие требовало притока квалифицированных технических кадров. Правительству для проведения своей расистской политики также необходимо было установить баланс между белым и черным населением, которого было большинство (70 %). Все это привело к привлечению белых иммигрантов, в числе которых были и русские. Положение русских эмигрантов в ЮАС оказалось несравненно лучшим, чем в других странах, однако, освобожденные от проблемы выживания, они не избавились от тоски по Родине. В ЮАС они общались в основном с англичанами и африканерами, в последних они даже находили родственные для русских качества. В 1952 году в Йоханнесбурге возникло Общество русских эмигрантов, которое способствовало сохранению русской идентичности, сбережению русской культуры.

От африканской части населения эмигранты были далеки, даже отчуждены, чужды им были ценности и мировоззренческие принципы африканцев, тем более их борьба против апартеида. Члены южноафриканской русской диаспоры соблюдали лояльность по отношению к власти и идеологии, господствующей в стране, ибо не хотели создавать для себя проблемы³.

Сложным и даже двусмысленным оказалось положение эмигрантов из России в 1990-е годы — так называемой трудовой эмиграции. В нашей стране произошла перестройка, а вместе с ней — общая масштабная переоценка ценностей. Кардинально изменился курс правящих кругов по отношению к ЮАР. От безусловной поддержки партии «Африканский национальный конгресс» (АНК) в борьбе с расистским режимом и активного выступления на международной арене против апартеида наше правительство ослабило связи с АНК, а в 1992 году установило дипломатические отношения с ЮАР, нарушив тем самым международный бойкот в отношении этой страны. Эта непродуманная политика на многие годы затормозила наше сотрудничество с Южной Африкой, где уже в 1994 году к власти пришел АНК⁴. На этом фоне в нашей стране началась неясная, но заметная агитация за эмиграцию в ЮАР. В условиях перевернутых ценностных ориентиров, утраты привычных смыслов жизни людям, лишившимся опоры и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, казалась привлекательной эмиграция в Южную Африку —

¹ См.: Мосейко А. Н. Человек в традиционных обществах Африки. Образы мира — коллектив — личность // Обычай. Символ. Власть. М., 2010.

² Унковский В. В мире экзотики (из личных впечатлений) // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 46–47.

³ Горелик Б. М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007. С. 64–65.

⁴ Шубин В. Г. Африканский конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999.

страну богатую, с комфортным климатом. В результате сотни россиян из страны, охваченной глубоким кризисом, отправились в ЮАР, стоящую у порога политических перемен. Большинство из них устроились в новой стране, однако после 1994 года ЮАР стала ориентироваться преимущественно на автохтонное африканское население. Россиянам не могли простить «предательства» их правительства по отношению к АНК¹. Таким образом, ценностный диалог, к которому всегда стре-

мились эмигранты из России в принимающей стране, был затруднен и оказался эффективен только на индивидуальном уровне.

Даже эти краткие заметки свидетельствуют о сложности и многогранности ценностно-смысловых диалогов, в которые приходилось вступать русским эмигрантам, стремившимся интегрироваться в новую для них среду и желающим сохранить при этом свою национально-культурную идентичность.

¹ Горелик Б. М. Указ. соч. С. 151–159.